

Глава 24. Зачем юности казаться зрелой

Двор был тих. Вся семья Лю отправилась на праздник, не оставив даже сторожа у ворот, словно не боясь, что воры могут забраться и всё обчистить.

Даже если не воры, то появление какого-нибудь злого духа — тоже дело смертельно опасное!

Цзо Юэшэн плюхнулся на ступени двора, одновременно мысленно ругаясь и ощупывая шею, чтобы убедиться, что голова всё ещё на месте. За его спиной была комната Цю Бодэна. Теперь Цзо Юэшэн наконец-то понял, кто принёс молодого господина Цю домой после событий в городе Фу... хотя сейчас он предпочёл бы этого не знать.

Полчаса назад, после судьбоносной фразы Лу Цзина о «трех фронтах», на всей улице воцарилась мёртвая тишина.

Лу Цзин, едва не спровоцировавший кровавую бойню, тут же снова рухнул и захрапел, оставив Цзо Юэшэна одного, застывшего в ужасе. А молодой человек медленно обвёл взглядом его и Лу Цзина, словно пересчитывая: один корабль, два корабля... и он сам — третий. Ага, три...

Убийственная аура резко усилилась, и Цзо Юэшэн почувствовал, как к его горлу приставили нож!

В мгновение ока Цзо Юэшэн вскинул руки и громко закричал:

— Молодой господин Цю и вы — идеальная пара, созданная небесами, остальные недостойны!

Невидимый нож замер.

Цзо Юэшэн, не моргнув глазом, продолжил ковать железо, пока горячо, и разразился потоком безумной лести. Он чуть было не добавил: «Когда вы, злодейская парочка, решите пожениться, мой Павильон Гор и Морей непременно поможет с организацией свадьбы»... Хотя это и было похоже на предательство друга ради спасения своей шкуры, он думал, что молодой господин Цю, будучи прекрасным и добрым, не станет обращать внимания на такие мелочи.

Ветер стих, листья опали. Молодой человек с Цю Бодэном на руках повернулся и пошёл в сторону дома семьи Лю.

Цзо Юэшэн, волоча за собой Лу Цзина, с замиранием сердца последовал за ними.

И вот теперь он сидел на ступеньках.

— ...Мама, я...

Лу Цзин, лежавший на земле у ступеней, перевернулся и что-то пробормотал во сне.

«Какая ещё мама!»

Цзо Юэшэн вздрогнул, быстро оторвал последний уцелевший кусок рукава от одежды Лу Цзина и плотно заткнул ему рот. Одновременно он напряг слух, с ужасом прислушиваясь к тому, что происходит в комнате за его спиной. Незвестный господин занёс молодого господина Цю в комнату и до сих пор не вышел.

За спиной было тихо.

Цзо Юэшэн вздыхал про себя, размышляя, стоит ли рискнуть и постучать в дверь.

Дело в том, что если молодой господин Цю и впрямь был влюблён в этого неизвестного — как утверждал Лу Цзин, — то всё, что они там делают, его не касается, верно? Но было очевидно, что молодой господин Цю сейчас пьян до беспамятства, и как его друг, он должен был о нём позаботиться! ...С другой стороны, Цзо Юэшэну было чертовски любопытно, кто же этот молодой человек, кто этот святой, у которого хватило смелости полюбить Цю Бодэна.

Хотя молодой господин Цю и был красив настолько, что можно было простить ему всю его внутреннюю гниль, но...

У этого парня, Цю Бодэна, всегда были проблемы с головой!

Собравшись с духом, Цзо Юэшэн решительно встал, намереваясь постучать.

Но как только он повернулся, дверь с треском распахнулась изнутри.

— А-а-а-а-а-а!

— Чего ты орёшь? — от его крика у Цю Бодэна заболели уши.

— Человек человека до смерти напугать может, молодой господин Цю! — Цзо Юэшэн, всё ещё не придя в себя, украдкой заглянул в комнату. — Эй? А где тот... кто-то?

— Ушёл.

— Ушёл? Через окно выпрыгнул? Неожиданно, — пробормотал Цзо Юэшэн, но тут же понял, что что-то не так. — Чёрт возьми! Ты не был пьян, так какого чёрта притворялся мёртвым?

— Если не притворяться мёртвым, как бы я узнал, что ты так мастерски продаёшь своих друзей? — лениво парировал Цю Бодэн.

Цзо Юэшэн тут же заткнулся.

Хотя он и молчал, в душе он был уверен, что молодой господин Цю просто смутился и злится.

Выражение лица Цзо Юэшэна было настолько очевидным, что Цю Бодэн, бросив на него один взгляд, понял всё.

Дело было не в смущении... На самом деле, пьян был только Ши Уло. Когда он, Цю Бодэн, прыгнул с дерева Фу, Ши Уло без колебаний последовал за ним и поймал его в воздухе. После этого тот, опьянев, начал вести себя странно: не говорил ни слова, но и не отпускал его. А притворяться пьяным... на самом деле он не притворялся, просто Ши Уло тихо сходил с ума от выпитого, а Цю Бодэну захотелось спать, вот он и решил подремать.

Но почему?

Почему он мог так легко уснуть, чувствуя лишь слабый аромат трав от человека, которого видел всего несколько раз?

Из-за смутного чувства чего-то знакомого или по какой-то другой причине?

Цю Бодэн не хотел больше об этом думать. Он спустился со ступеней и недобро уставился на храпящего Лу Цзина.

— Стой.

Цю Бодэн, словно у него были глаза на затылке, холодно бросил.

Цзо Юэшэн, который пытался незаметно удрать, замер с одной ногой в воздухе.

— Принеси холодной воды и вылей на него, — неторопливо сказал Цю Бодэн. — Играет на два фронта? На три фронта?.. Я вот хочу спросить, сколько кораблей вы мне за моей спиной уже приписали.

«Самое страшное случилось!»

Если Цю Бодэн узнает, что они не только за его спиной судачили о его «похождениях», но и собираются написать об этом целый роман и продать его на всех двенадцати континентах, то даже сам старик не сможет их спасти!

«Лу Цзин, одиннадцатый господин Лу, ты только держись под пытками молодого господина Цю!»

***

На следующий день.

Группа ждала у городских ворот прибытия старейшины, посланного владыкой Павильона Гор и Морей.

На самом деле небо ещё не посветлело. Они решили уехать так рано, чтобы никого не беспокоить. Раз уж они приняли участие в празднике, попрощались под звуки барабанов и хмельные тосты, то устраивать у ворот ещё одну сцену слёзного прощания было бы слишком наигранно.

В ожидании несколько наследников великих школ, зевая, клевали носом.

Лоу Цзян то и дело поглядывал на лицо Лу Цзина и, наконец, не выдержал:

— Ты что, вчера воровать ходил и тебя поймали и избили?

— Воровать-то не воровал, — Лу Цзин зевнул, но тут же поморщился от боли, когда синяки на лице натянулись. Он мгновенно проснулся. — А вот избили — это правда.

— Лу, ты герой! Лу, ты несгибаемый! — Цзо Юэшэн, у которого глаза ещё слипались, в полусне поаплодировал Лу Цзину. — Держись! Железный одиннадцатый господин!

Железный одиннадцатый господин дорого заплатил за свою молчаливость, и теперь его лицо напоминало палитру художника. Но его несгибаемость была вознаграждена: хотя Цю Бодэн и подозревал, что эти двое за его спиной провернули какое-то «великое дело», до правды о «Приказе о возвращении в сон» он так и не докопался.

Великое дело обогащения и прославления на весь мир не было «прервано на полпути».

Лоу Цзян: ...

Чем дальше эти наследники тусовались вместе, тем меньше он понимал, о чём они говорят.

— С ними-то ладно, — вздохнул Лоу Цзян. — Е Цан, а с твоей одеждой что случилось?

Лоу Цзян знал Е Цана и раньше.

В конце концов, Е Цан был другом, которого молодой господин павильона завёл после своего «изгнания» в город Фу. Каждый раз, когда Цзо Юэшэн попадал в неприятности и не хотел, чтобы Лоу Цзян его ругал, он прятался у Е Цана. Лоу Цзян даже тайно навёл о нём справки, чтобы молодой господин не связался с плохой компанией — хотя обычно «плохой компанией» был сам Цзо Юэшэн.

Раньше впечатление Лоу Цзяна о Е Цане было неплохим.

Он был добросовестным, упорным и настойчивым. Даже после изгнания из Ведомства городских оракулов он продолжал каждый день вставать до петухов и тренироваться. Сердце у него было доброе. Несколько раз, когда Цзо Юэшэн перегибал палку с мошенничеством, Е Цан заставлял его вернуть вещи... В общем, надёжный человек. Лоу Цзян даже думал, не предложить ли ему по окончании расследования вступить в Павильон Гор и Морей.

— А?

Е Цан, с мечом за спиной, стоял прямо, как сосна, и на фоне трёх пошатывающихся наследников выглядел настоящим образцом для подражания.

...Если не смотреть на его одежду.

Это был серый халат, который вызвал бы у любого портного приступ ярости. Рукава были разной длины, подол — спереди длиннее, сзади короче, плечевой шов напоминал ползущую сороконожку, а о стежках и говорить нечего... Любой подмастерье, который осмелился бы испортить ткань на такое «творение», был бы счастлив, если бы мастер не содрал с него кожу.

— Праотец-наставник сказал, что когда я вернусь в школу, шитьё школьной формы станет моей обязанностью, поэтому я должен усердно тренироваться уже сейчас, — серьёзно объяснил Е Цан.

...

Лоу Цзян хотел было сказать: «Он сказал, а ты и поверил?», но, вспомнив традицию учеников Тайи вырезать себе поясные таблички вручную, засомневался. Может, Цю Бодэн и не шутил.

— А почему у тебя такое лицо, будто ты на похоронах? — снова спросил Лоу Цзян, сдержавшись.

— Праотец-наставник также сказал, что отличительная черта учеников Тайи — это суровый вид, мало слов и отсутствие эмоций, — ответил Е Цан с каменным лицом, стараясь, чтобы его взгляд был таким же безжизненным, как у сухого дерева. — Говорить мало у меня пока не получается, так что он велел мне сначала научиться делать постное лицо.

Лоу Цзян: ...

Этого парня что, осёл лягнул в голову? Словам такого отъявленного повесы, как Цю Бодэн, даже если он и является маленьким предком-наставником Тайи, нельзя же верить на все сто процентов!

Е Цан, не моргнув глазом, продолжил:

— После вступления в Тайи на соревнованиях за звание первого ученика пика есть испытание «моральных качеств». Уважение к старшим и защита младших — это один из его разделов. Я хочу стать лучшим учеником Тайи, поэтому должен сначала стать первым учеником!

«Да ты станешь первым придурком, а не учеником!»

Слово «придурок» Лоу Цзян услышал от Цю Бодэна. Он не совсем понимал его значение и даже пытался найти его в словарях, но безуспешно. Но в этот момент ему показалось, что нет в мире слова более подходящего.

Когда старейшина Тао из Павильона Гор и Морей, посланный забрать знатных гостей и молодого господина, сошёл с летающей лодки, Лоу Цзян, словно получив амнистию, бросился к нему, кланяясь и приветствуя.

Старейшину Тао это так напугало, что он от неожиданности вырвал несколько драгоценных волосков из своей бороды.

Э-это Лоу Цзян?

Гении всегда немного горды, особенно такие, как Лоу Цзян, который в юном возрасте прошёл путь, на который у многих заклинателей уходят сотни лет. Обычно он был вежлив, но в его поведении всегда сквозила юношеская дерзость. К старейшинам он относился с «уважением», но без особого «почтения». Старейшины в частных беседах говорили, что хорошо, когда у молодёжи есть энтузиазм, но иногда им стоит полагаться и на них, стариков. Зачем в юном возрасте пытаться взвалить на себя небо и землю?

Зачем юности казаться зрелой?

Но сейчас Лоу Цзян встречал его чуть ли не со слезами на глазах. Старейшина Тао, будучи удивлённым, не мог не почувствовать лёгкого удовлетворения.

«Вот так-то лучше. Столкнулся с трудностями и наконец-то понял, что нужно обращаться за помощью к старшим!»

Старейшина Тао кашлянул, собираясь что-то сказать, но увидел, как Лоу Цзян вихрем пронёсся в каюту летающей лодки, бросив на ходу:

— Это те самые знатные гости, которых велел забрать владыка павильона. Дальше я передаю их вам!

<http://bllate.org/book/16967/1586230>